

ГУЛИН Александр Вадимович
— кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник ИМЛИ им. М.Горького,
автор статей по отечественной литературе

«В СЕРДЦЕ СВЕТИТ РУСЬ...»

ДУХОВНЫЙ ПУТЬ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

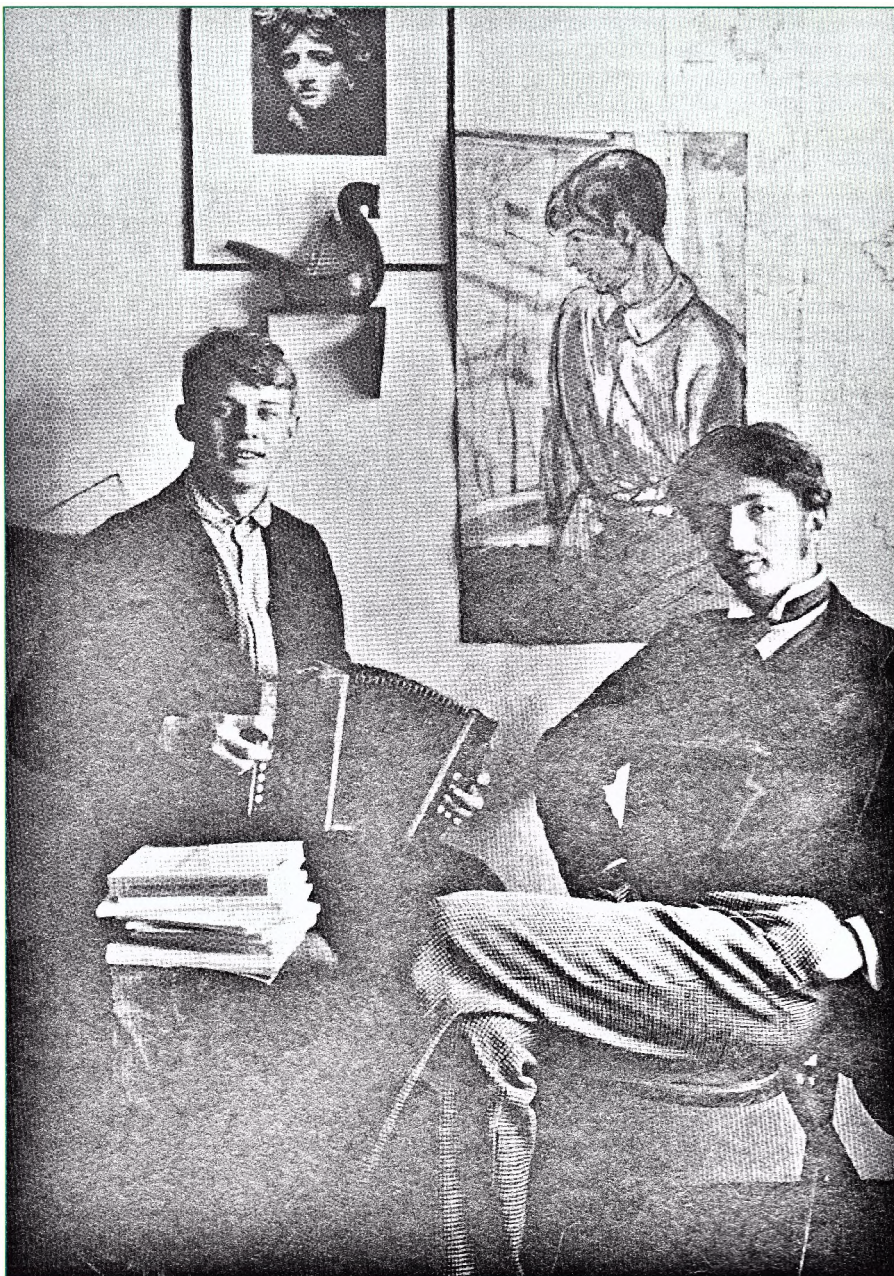
Родник. Домашний. Фрагмент. Худ.
Дмитрий Велюкин. 1990. 1991

Русская литература XX столетия знает немало громких поэтических имен. Поэзия других, некогда славных первоклассными дарованиями европейских народов стала в это время по большей части приходить в упадок, а то и вовсе впадать в небытие. Но Россия новой поры с ее громадными, никому больше не известными в такой мере испытаниями явила всему свету поистине великих творцов. Именно здесь, на русской земле, разыгрались, как это было уже не раз в минувшие века, только теперь с неведомой прежде силой, самые грозные события вселенской истории. Вечные пути мироздания открылись воочию, борьба за душу человека получила небывалый размах. Все это отозвалось в богатом наследии русских поэтов не очень далекого прошлого. Иные из них не устояли в жестокой борьбе, растратили, извратили изначально им данный божественный дар. Другие, часто ценою собственной жизни, сумели его приумножить и сохранить. Как бы то ни было, здесь перед нами всегда, если не брать в расчет откровенных поэтических шарлатанов, живая боль, живое человеческое сердце. И первым по праву среди таких певцов неувыдающей России стоит Сергей Есенин.

Всенародное признание этого художника есть нечто гораздо большее, чем только популярность. Его поэзия — словно мы сами. Как до него Пушкин, как, может быть, Лермонтов, он обладал исключительно редким, единственным свойством выражать не только отдельные, хотя бы и очень существенные, стороны народной души, но открывать и постигать ее всю, в бесконечной сложности и многообразии. Это был национальный гений в наиболее полном, законченном значении слова. Но сбывался он (не потому ли, собственно, и сбывался?) в необычайно тягостную, смутную эпоху отечественной истории.

Первая мировая война, крушение вековой российской государственности, братоубийственная гражданская рознь, казалось, предвещали стране полное уничтожение. Русский дух переживал колоссальный, мучительный «сдвиг», пребывал в состоянии глубокого смятения. И во всем сопричастная ему есенинская муза тоже оказалась исполненной самого неподдельного драматизма. В меру своего огромного светлого дара Есенин острее многих современников испытывал единый для всех небывалый натиск черных, богоборческих энергий, готовых отравить, замутить любые животворные ключи. Отсюда рождалась пронзительная интонация его стихов, их неповторимо трагическая гармония.

Удивительной, не подвластной обычным человеческим меркам, была его судьба. За тридцать лет, отпущенных ему на земле, Есенин успел так много, словно прожил огромную жизнь. Изменчивость созданного им поэтического мира тоже выглядит беспри-

С.А.Есенин и С.М.Городецкий. Фотография. 1915

мерной. Оставаясь полностью самим собой, этот художник вложил в себя одно словно бы несколько поэтов. Исключительная широта внутреннего диапазона, столкновение несходящихся крайностей присущи ему как мало кому еще в истории русской литературы. Но в этих взлетах и падениях, стремительных переходах от святости к безбожию, от кротости к буйству и все-таки вечной способности подниматься на свет являет себя сама Россия новой эпохи.

Не потому ли эта поэзия так волнует русское сердце, вызывает подлинное его содрогание, что в ней мы открываем воочию источник нашего счастья на земле и вместе с тем прикасаемся к тайне собственной неустроенности, внутреннего и внешнего разлада? Сергей Есенин полнее и глубже, чем кто бы то ни было из поэтов — его современников, поведал о русской катастрофе уходящего века. Он певец этой драмы, име-

ющей не только национальное, — мировое значение, не завершенной, увы, и по сегодняшней день.

Когда весной 1915 года совсем еще юный Есенин приехал в Петроград, это явление поразило многих, но только самые проницательные наблюдатели увидели тут начало поистине дивной будущей судьбы.

Успех молодого поэта был стремительным и громким. Невысокого роста, светловолосый, удивительно подвижный, с голубыми, постоянно меняющими свой оттенок ясными глазами, этот уроженец глубинной России, представитель коренного русского сословия — крестьянства, привлек всеобщее к себе внимание. Облик его на редкость органично соединялся с духовным строем привезенных им стихов. Он обладал ни на одно другое не похожим дарованием, казалось, от начала до конца воспитанным с детства ок-

ружавшей его средой. Литературный Петроград, город военной поры, то с неподдельным восторгом, то снисходительно улыбаясь, приветствовал явление самобытного таланта. В нем искренне хотели видеть живую, солнечную Россию, не тронутую тусклым сиянием Серебряного века, далекую от его смутных теней. Эти стихи, «свежие, чистые, голосистые, многословные», — по словам, собственно, и открывшего молодому поэту путь в литературу Александра Блока, — были той поэзией, которую ждал русский город 1910-х годов. Тем не менее, что обещает в дальнейшем столь яркий восход, понимали тогда немногие.

Сам он, разумеется, лучше других сознавал собственное призвание. Что бы там ни говорили о счастливом повороте судьбы, о несомненной удаче, о моде на его стихи, юноша Есенин во многом сознательно создавал свой поэтический образ, выстраивал отношения с художественным миром северной столицы. Он удивлял завсегдатаев литературных салонов не только смелостью, пленительной красотой своего стиха, но и, не в последнюю очередь, подчеркнуто крестьянскими манерами, мог часами на публике или в дружеском кругу петь под гармонику родные рязанские частушки. Между тем за этим очевидным каждому «местным колоритом» скрывалась напряженная внутренняя жизнь, лишь великому поэту свойственная полнота видения мира, редкая способность находить прямые пути к тайнам русского бытия. «Избавной», как многим тогда казалось, поэт Есенин «пережил душой» наследие Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Некрасова, превосходно усвоил уроки лучших современных мастеров. Он выступал продолжателем огромной традиции. И была своя закономерность в том, что русский творческий дух накануне близких потрясений самым непосредственным образом заявил о своих истоках, получил высшее свое проявление в поэзии человека из народа. Одновременно тут, как и во всей национальной жизни, по сути, решалась судьба этих истоков. Талант Есенина только с первого взгляда выглядел безоблачным. На самом же деле свет и тени русской истории, как бывает перед грозой, обогнались в нем предельно ярко.

В рязанском селе Константиново, где 21 сентября (3 октября) 1895 года он увидел свет, поражают сегодня не столько узнаваемые черты, связанные с пребыванием здесь поэта, сколько необычайной красоты картина, что открывается с высокого берега Оки. Огромное, на километры вдаль уходящее пространство земли: излучина реки, луга, дальше — лес до самого горизонта. Над всем этим безграничное небо, которое сходится с землей почти незаметно, словно переходя в нее и проникая собой. Константиновские земные обитатели кажутся поистине благодатными. И как видимый воочию духовный мост, соединяющий временное пристанище человека с миром вечной жизни, стоит на речном откосе, напротив дома Есениных, церковь иконы Казанской Божьей матери.

А.Н. и Т.Ф.Есенины, родители поэта. Фотография. 1927

В ее стенах венчались родители поэта Александр Никитич и Татьяна Федоровна, в ней он был крещен именем Сергей.

На рубеже двух веков: XIX и XX, русская деревня еще хранила традиционное, создавшее и укрепившее Россию, сознание того, что родная земля — это подножие Престола Божия, Новый Иерусалим, что истинное отечество каждого россиянина в царстве ином, непреходящем. Бабушки и деды Есенина, люди православные уже по своему родовому определению — крестьяне, хорошо знали эту главную истину, полученную в наследство от своих бабушек, своих дедов. Те из них, кому довелось заниматься воспитанием внука, сделали все, чтобы вдохнуть ее и в душу будущего поэта. По прошествии многих лет Есенин, говоря о поэтической книге «Зарево» своего друга Петра Орешина, напишет: «Даже и боль ее, щемящая, как долгая, заунывная русская песня, приятна сердцу, и думы ее в четких и образных строчках рожают милую памяти молитву, ту самую молитву, которую впервые шептали наши уста, едва научившись лепетать: «Отче наш, иже еси...»». Евангелие, жития святых были настольными книгами в каждой деревенской семье, и данные в них миру высокие истины воспринимались поэтом так же естественно, как воздух, которым он дышал.

Неотделимая от веры отцов народная культура: духовные стихи, обрядовые песни, в которых веками являла себя православная Русь, — тоже очень рано получила отклик у него в душе. Самый уклад жизни, не всегда праздничной, омрачаемой горестями и утратами, но теплой даже и в тяготах повседневности, был осенен возвышенной красотой: с его малым космосом — избой крестьянина, чередованием забот сменяющихся времен года, умными животными — ведь и они в селе тоже работники. И вся земля вокруг: ее

луга, поля, березовые перелески, как любая земля в России, только по-своему, по-рязански, отражала лучи незримого Божественного света. В этих лучах, щедро изливавшихся на будущего художника в начальную пору жизни, происходило становление его таланта. Отсюда — многое из того, что отличало уже первые его стихи: редкая поэтическая искренность, особая мелодичность, напевность, их сочные и яркие, укорененные в искусстве русского народа, всегда неповторимые метафоры. Отсюда — никогда не увядающая нравственная отзывчивость есенинской лирики, в разные годы написанных больших и малых поэм.

Он начинал, что было вполне естественно, как певец дорогого ему крестьянского мира. Увиденные изнутри живые приметы русской деревни наполняли собой едва ли не каждое создание молодого художника. Это же относится и к поэтическим его построениям. Творчество Есенина уже самой первой поры впитало в себя целую «радугу» народного мироощущения: и твердое, неизблемое признание святости земледельческого труда, и молодую «жениховскую» радость весеннего обновления жизни, и врачующее душу чувство единения с родной природой. Но за любой чертой близкого поэту сельского обихода, за каждым, не ему одному свойственным, переживанием угадывалось тут еще и нечто большее. Великий сын своего Отечества, Есенин обладал единственным в своем роде умением «собирать» в едином звуке Россию земную и небесную, открывать словом ту потаенную связь, что определила на века судьбу России, судьбу каждого из русских. Простая жизненная подробность, непосредственная эмоция в то время, как правило, выступали у него проводниками возвышенного и чистого созерцания. Ему достаточно было сказать:

Портрет С.А.Есенина.
Худ. Л.И.Шарлемань.
1959

*Край любимый! Сердцу снятся
Скруды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных... —*

и огромная страна с ее прошлым, будущим в единый миг представляла перед глазами. До последнего вздоха поэт любил свою «малую родину», но с первых его шагов принадлежал Родине вечной.

Православные мотивы, то восходящие к народному творчеству, то подсказанные впечатлениями современности, воплотились в есенинской поэзии дореволюционных лет с невиданной полнотой. В свою очередь церковная лексика «проникала» в этот художественный мир как необходимое, связанное с его сутью и смыслом, изобразительное средство. Но и там, где ее не было, стихи Есенина сохраняли порой почти молитвенную, благоговейную чистоту. Они звучали как подлинная песня любви, возвышенной и просветленной. Образы России в начальных его стихотворениях и поэмах прикасались не раз к самой сердцевине национального пути. Предчувствие особой, скорбной и радостной, судьбы Отечества, где Христос, Его любовь, Его страдания служат прообразом

жизни каждого человека и всего народа, где только во Христе возможно обретение вечного блага, слышалось во многих стихах юного поэта. Великая тайна русской печали, русского счастья, русского торжества, отраженная в тихом ли пейзаже, скромных селениях, обретала у Есенина подлинную силу лирического прозрения:

*Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.*

.....
*Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что — разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

Впрочем, земная родина поэта в то время, на которое пришлось детство Есенина, и затем — начало его литературного пути, существовала уже далеко не во всей первозданной своей силе. Дух материализма, дух блуждания, сомнения, провозгласивший мирские цели единственно достойными человека, скрываясь под видом всевозможных «исканий», а то прямо заявляя о

себе идеями ничем не прикрытого атеизма, получал в России все большую свободу и размах. Он напитал собою воздух, им дышали «передовая» культура, философия, социальные учения, он давал о себе знать и в повседневных отношениях между людьми, и в том, как россияне, многие из них, понимали теперь будущее своей страны и мира. Сказанное относится прежде всего к образованным сословиям. Но по-своему те же темные ключи били и в самой глубине народной жизни.

Великое брожение эпохи не могло не отзываться, так или иначе, в натурах чутких, мистически настроенных. «Рано посетили меня, — вспоминал Есенин позднее, — религиозные сомнения. В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульствовать». После того как поэт, окончив у себя в Константинове начальное земское училище, пройдя трехгодичный курс в учительской школе небольшого рязанского городка Спас-Клепики, переехал на жительство в Москву, эти настроения не исчезли. Они принимали в разную пору оттенок модного среди городской молодежи толстовства или окрашивались в не менее популярные социал-демократические тона. Скажем больше: молодой художник при всем его цветущем таланте вряд ли завоевал бы всего несколько лет спустя столь широкое признание, получил дорогу в наиболее известные журналы, не коснись его сокровенного мира также и смутные веяния «века сего». Только в отличие от городских его собратьев он переживал нарастание «всемирного подлога» прямо из души своего православного народа, был причастен к самой сути происходящих перемен. Тут подменялась почти незримо уже святая святых национальной судьбы, так волшебным освещившая собой творчество поэта.

Из поколения в поколение русские люди жили сознанием того, что, хотя стремятся они уже на этом свете следовать евангельскому идеалу братства и любви, все же прекрасная вселенная, где им довелось родиться, их поиски всеобщей справедливости есть только бледное, несовершенное подобие Царствия небесного — мира вечной правды и красоты. Рано или поздно, верили они, придет, по откровениям Священного Писания, никому не ведомый миг. То будет конец света и второе сошествие к людям Христа Спасителя. Тогда сгорят оскверненные грехом старая земля и небо, уничтожится в мире все нечистое, настанет Царство Божие на земле. В этом заново сотворенном мироздании обретут бесконечное блаженство праведники всех времен. Собственно, ожидание последнего торжества над смертью, тленом, страстями дольного мира, неуспяная забота о его стяжании стали

главными причинами русского духовного расцвета.

Именно такое тысячелетнее ядро национальной жизни и стремился теперь сокрушить лукавый дух времени. Делалось это, увы, не без успеха. В России, конечно, оставались, не могли не остаться, настоящие светочи Православия, тем более заметные среди густеющего мрака. Но во многие сердца уже закралась уверенность, что земное подобие Божественного совершенства ни в чем не уступает вечному добру, что возможен рай на земле, построенный самим грешным человеком. Новые верования новой эпохи причудливо и коварно проникали в души современников, оплетали собой вековые, священные понятия, паразитировали на самых подлинных основаниях народного бытия.

По-отечески светлое восприятие мира очень скоро обернулось у Есенина желанием поклониться не Творцу, но только Его творению, воспеть, словно сам по себе прекрасный, белый свет. Православное чувство и безоглядная приверженность земному раю заявляли о себе почти одновременно, в соседних по написанию его стихах, иногда — в одном и том же произведении. Подобное смешение полностью несовместимых начал создавало тревожное поле не осознанного самим художником внутреннего конфликта, широко вобравшего в себя всю напряженность эпохи.

Законы духовной жизни, те, что направляют судьбу каждого народа и человека, едины для всех — национального гения или простого смертного: еще никому на свете не удавалось быть слугой сразу двух господ. Есенин делал выбор под стать миллионам современников. Христианское начало почти незаметно вытеснялось у него в поэзии началом языческим, «перетекало» в настоящую религию мирского блаженства. Она, разумеется, имела корни в «народном православии» — исконно русском исповедании веры, которое не отвергло, но подчинило себе, смирило за долгие века иные древнейшие обычаи славянских племен. Деревенские обряды, искусство хранили на себе их печать. Тем не менее это безвредное некогда язычество получало теперь у Есенина, получало в жизни русского села, казалось, уже навсегда забытое значение. Обретало новое дыхание. Заслоняло собой источник любого блага. Привычка обращаться к родным святыням неизменно «говорила» в душе поэта, но с каждым годом, даже месяцем, они все больше «затуманивались» в ней, утрачивали настоящую свою природу.

Одухотворенная красочность его лирики часто напоминала в те времена изобразительный язык русской иконы. Между тем «иконописный стиль» молодого Есенина, подобно творческой манере художника одной с ним поры К.И.Петрова-Водкина, представ-

лял собой словно перевернутое, исподволь потерявшее (или готовое потерять) единственно возможную для него перспективу древнее возвышенное искусство. Если церковная живопись во все века стремилась воплотить непостижимое, совершенное и вечное, то «новые богомазы», искренне очарованные родной землей, избрали своим предметом просто осязаемую реальность, которую они, применяя отеческие приемы, отеческую символику, почти молитвенно возводили до степени божества.

Может быть, ярче других такую смену духовного центра в есенинской поэзии ранних лет отразила признанная ее вершина — стихотворение «Гой ты, Русь, моя родная...». Это восторженное признание в любви было адресовано той стране, которая, верил Есенин, как ни одна другая в мире, запечатлела на себе образ Божий. И он находил для нее лишь его дарованию послушные, таившие в себе одновременно несколько смыслов, богатые, многомерные определения. Когда он говорил: «Хаты — в ризах образа», тут имелось в виду не только солнце крестьянской избы — лики святых угодников, но также очевидное для поэта: изукрашенный резьбой сельский дом — это своего рода земная икона, прообраз вечности. Когда приводил сравнение: «Как захожий богомолец, я смотрю твои поля», это можно было прочесть и в самом прямом, явном смысле, а можно было понять и так, что паломник пришел поклониться теплым родным просторам, более того, предположить, что сам он — только временный гость на божественно просветленной земле. Такие смысловые ряды выстраивались постоянно.

Способность «обнимать» считанными словами огромное содержание вела Есенина к непреходящей ценности открытиям. И все-таки художественный образ в каждом из этих случаев, отдавая дань прошлому, устремлялся к новому идеалу, заключал в себе возможность внутреннего перехода, даже

разрыва с вековыми ценностями русской жизни. Святыня потому и выглядела здесь настолько яркой, что это был ее «прощальный» свет, напоследок увиденный путником, идущим от нее вдаль. Заключительные строки есенинского шедевра не оставляли сомнения на этот счет. Сияние Святой Руси в ее земном обличье рисовалось поэту таким безбрежным, что он, кажется, готов был пожертвовать и самой причиной ради открывшегося ему непостижимо прекрасного следствия:

*Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».*

Как бы ни расцветивалась «христианскими узорами» эта молодая фантазия, выходило, что жить на свете — значит уже вселиться в райские кущи, вполне соединиться с Богом. Сын русского мира, Есенин продолжал думать, что это Христос. Но вечная тема Спасителя звучала у него неизбежно по-новому. Еще только начиная литературный путь, никому не известный в ту пору, он писал своему товарищу по учительской школе Грише Панфилову: «Христос для меня совершенство. Но я не так верую в него, как другие. Те веруют из страха, что будет после смерти? А я чисто и свято, как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою, как в образец в последовании любви к ближнему». Поэту Есенину дано было видеть сильнее, глубже, иначе, чем тому, едва узнавшему большой свет юноше, почти мальчику. Все же смутные понятия недавнего времени не ушли без следа, только получили образную форму. Он мог создать христианскую, на первый взгляд, осеннюю зарисовку:

*Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным.*

*И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу, —*

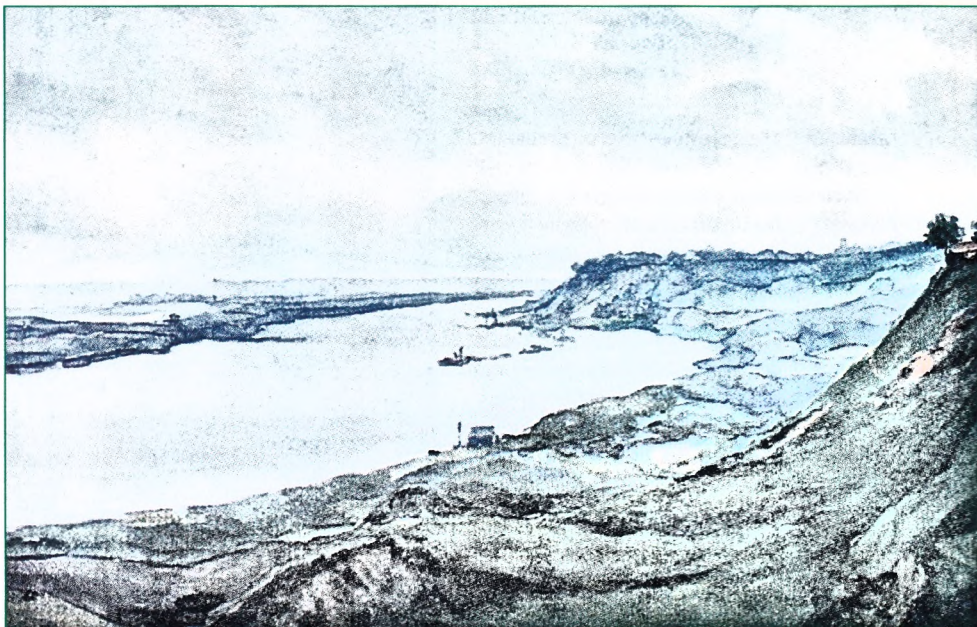
а между тем священное имя выступало в ней прежде всего как метафора, необходимая для более рельефного показа язычески прекрасной земли с ее ветром, листвою, гроздьями рябины — всего, что мощно завладело вниманием художника. Властитель не от мира сего начинал ему казаться именно владыкой земли, ошутимо слитым с ее стихиями.

Это не была всего лишь прихоть его поэтического сознания. Говоря о своем Христе: «Он зовет меня в дубровы, / Как во царствие небес», Есенин очевидно устремлялся в те же духовные леса, что манили тысячи и тысячи современных ему богоискателей. Уподобляя русский пейзаж: солнце, ветер, ели, сосны — входу Господню в Иерусалим («Кто-то в солнечной сермяге / На осленке рыжем едет»), выражал единые для многих призрачные ожидания. Готовился вместе со страной петь осанну обольстительному духу природы, духу времени, который под видом Христа все ближе подступал к Новому Иерусалиму — праведной Руси.

Стоя «на туманном берегу» вместе с любимым до боли отечеством, поэт не мог не испытывать «холодной грусти», не мог не страшиться за будущее родины. Но и не желал ничего другого. Тревога и радость, горькие раздумья и предвидение солнечных дней — все это разом возникало из чувства собственного неуклонного участия «в паденье роковом». Летом 1916 года Есенин, призванный в армию и проходивший службу в Царскосельском госпитале, читал на благотворительном вечере стихи, написанные им специально для этого случая. Читал в присутствии Императрицы Александры Федоровны и Великих княжон. Как всегда у него, художественный образ и тут говорил о многом. Посвященные Августейшим сестрам милосердия, эти строки за их простым, очевидным смыслом таили в себе едва ли не пророчество. О святой участи царской семьи, страшных годах России, о недалекой уже мятежной поре в жизни самого поэта:

*Все ближе тянет их рукой неодолимой
Туда, где скорбь кладет печать на лбу.
О, помолись, святая Магдалина,
За их судьбу.*

На исходе февраля 1917 года грянула катастрофа. Веками незыблемая плотина обрушилась под напором все набравших силу губительных миражей. В свою очередь падение самодержавия полностью «вынуло» из национальной судьбы ее духовный стержень и опору, до конца опрокинуло в миллионах сердец живые ценности русского мира. События таили в себе целую череду будущих потрясений: по стране разливались войны, убоицы, голод, болезни. Антимир имеет свою логику развития. И все же мало кто сознавал понесенную утрату. Многие россияне ликовали, как дети. Зачарованно ждали при-

Заозские дали. Худ. А.Ромодановская. 1956

хода лучших времен, поздравляли один другого, говорили о братстве, о любви. Возмущенный разум рисовал картины близкого земного рая, рождал настоящие галлюцинации, где осколки христианского понимания вещей откровенно ставились на службу идеалам новой эпохи. Поэзия Есенина: верный голос народной души, оказалась в эпицентре общего помрачения.

За короткие недели она испытала решительные, бурные перемены. В ней произошел сокрушительный взрыв до времени скрытого языческого начала. Неопределенные упования мирского блаженства получили теперь характер полного, всеобъемлющего заблуждения — утопической мечты, которая пленила дар поэта как таковой. Образы его стихов, столь объемные прежде, перешли в одну-единственную, и потому кричаще яркую, земную плоскость. Послушный головокружительным настроениям, стал заметно иным ритмический рисунок лирики, поэм. Созерцание бытия сменилось прямым участием в «перевороте вселенной». Есенин не столько постигал новую Россию, сколько выражал ее страстный, болезненный дух.

Весь первый год революции, когда он, самовольно покинув армию, проживал в Константинове, Петрограде, путешествовал по русскому Северу, его творческий мир больше и больше «вбирал в себя» грозное дыхание смуты. «Родине кроткой» здесь попросту не осталось места. Все захватила «буйственная Русь». Лишь иногда, словно очнувшись, поэт замирал в тяжелом недоумении: «Где ты, где ты, отчий дом?» И снова летел мечтами в желанное будущее страны, больше — целого мироздания. Было страшно, легко и весело, как на огромной, вокруг всей планеты несущейся карусели.

Истина всегда едина, нераздельна в ее цветущем богатстве. Она рождает любовь и согласие. Обман, подлог всегда многолик и раздроблен в собственной нищете. Искатели

«грешного рая» всех времен блуждали каждый по-своему. Так и в России 1917 года неведь куда устремленные надежды современников сотнями произвели на свет близкие по сути, но вечно враждующие между собой представления о завтрашнем дне. Среди этого хаоса, привнося в него черты своей индивидуальности, металась художники, писатели, поэты. Многим из них казалось тогда, что революция — это прямое продолжение Святой Руси. Иные считали: с наступлением февраля сам Христос явился в мир, чтобы очистить его бедами и мятежами. Настал, верили они, предначертанный Евангелием Страшный Суд и обновление всего сущего.

Есенин тоже думал о конце старого света и рождении другой земли. Но его понятия (иначе и быть не могло!) отличались от тех, что имели Александр Блок, Андрей Белый и другие старшие собратья поэта. Есенинская утопия несла в себе ярко проступившие приметы крестьянского взгляда на происходящее, отражала «перелом сознания» у самой коренной, наиболее многочисленной части русского мира. Она рядилась в пасхальные цвета народного искусства, использовала вековые образы и поэтические приемы. Со всей увлеченностью молодых сил художник приветствовал близкое уже, грезилось ему, появление в России «дорогого гостя», «чуждого гостя».

Ожидала второго пришествия, именно так веками называла Христа Спасителя отеческая, не сохранившая имен своих создателей, духовная поэзия. «Освобожденный» новыми ветрами от его православной природы, образ этот получил у Есенина совершенно иное звучание. Совсем как тот, еще недавно посетивший творчество поэта «земной Христос», только в иной, революционной манере, «неведомый гость» по существу отверг, подменил собой образ Единородного сына Божия. За ним (а впрочем, и за каждым другим фантастическим «явлением Христа») у ху-

дожников той эпохи) скрывалась вполне антихристианская реальность. Он был настоящим ядром, душой завладевшего поэтом прелестного наваждения.

Мало когда еще за свою короткую судьбу Есенин переживал такой силы творческий подъем, как в этот неистовый, грозный год. Из-под его пера помимо большого числа лирических стихов одна за другой выходили поэмы: «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Преображение», в которых мечта о мужицком рае — земле плодоносящих полей и стад, обрела грандиозный, космический масштаб. Сознание поэта рисовало, видимо воочию, слияние, «воссоединение» Царствия Небесного и дольного мира. Помраченному гению чудилось: изба крестьянина с ее резным коньком на крыше прямо выезжает в райские врата. Ветхий и Новый Завет, русский фольклор, живые впечатления современности — все сливалось в чарующие сны, видения «третьего завета», несущего людям, всей душой верил Есенин, исцеление от скорби, духовной поврежденности, любого зла.

Искренний художник, он всегда шел до конца в собственных прозрениях и ошибках. И по мере того как волна за волной России захлестывала смута, кажется, был обречен высказать со всей прямоотой подлинное существо дорогих ему соблазнов. Так в начале 1918 года (октябрьский переворот уже полностью расставил точки в намерениях и целях революции) появилась «Инония» — откровенно богоборческая поэма. Молодой «ясновидец» наконец-то признал, что его грезы о сказочном вертограде не имеют ничего общего с духом православия.

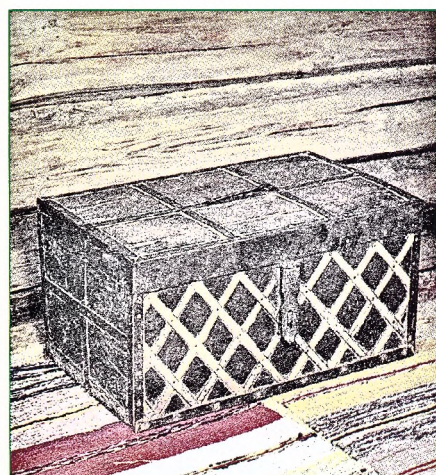
Дни напролет читая Библию, особенно Откровение Иоанна Богослова (Апокалипсис), — книгу, где с наибольшей полнотой сказано о конце света, он, словно в мистическом трансе, вычитывал из нее лишь то, что сам хотел прочесть, о чем кричал у него в сердце русский бунт. Собственно, так поступал в те годы не он один. Великая духовная держава еще долго «не отпускала» своих сынов, даже в падении готовых искать оправдание себе и другим на страницах Священного Писания. Чего стоили такие поиски, тоже понятно.

«Нет никакого сомнения, — говорил не меньше Есенина потрясенный «крушением вселенной» известный мыслитель В.В. Розанов, — что Апокалипсис — не христианская книга, а — противохристианская. <...> Апокалипсис требует, зовет и велит новую религию. Вот его суть. <...> Солнце загорелось раньше христианства. И солнце не потухнет, если христианство и кончится». Присущая ему «дерзость мысли» влекла немолодого уже писателя дальше и дальше. «Христианство не космологично, — рассуждал он, — «на

нем трава не растет». И скот от него не множит, не плодится. <...> Так что Иисус Христос уж никак не научил нас мирозданию; но и сверх этого и главным образом: «дела плоти» суть главное, а «дела духа» — так, одни разговоры». Любитель парадоксов и действительно яркая личность, Розанов как-то позабыл простую вещь: библейское Откровение написано одним из апостолов Христовых, истинным Его учеником, Его наперсником евангелистом Иоанном.

Не желал этого знать и Есенин. Он понял Апокалипсис полностью в том же ключе, увидел в нем пророчество долгожданного рая во плоти. Предсказанный в библейской книге приход на землю посланца сатаны, «человека греха» — антихриста, перепутал с Божиим Царствием, которое наступит в час посрамления наглого беззаконника, его слуг. Последнее время все к тому и шло. И вот «гость чудесный» сбросил личину, предстал как явная демоническая мечта о «новом спасе». О городе и царстве, где он будет править. Инония — это и есть иной град, иная страна. Такое слово придумал для нее поэт. В грохоте и какофонии земного переворота он внезапно ощутил себя пророком. Собственную одержимость принял за праведность. Решил создать новую главу, как полагал, недостающую в Писании. А заодно подчеркнуть будто бы изжитые человечеством евангельские истины. Он силился придавать своему голосу апокалипсическую мощь. Он хотел усвоить грозный язык подлинного Откровения.

Вышла дикая пародия: талантливая, как все им написанное, и оттого особенно кощунственная и страшная. С безоглядной лихостью и задором ослепленной русской души Есенин разорвал в себе и в мире доставшийся ему от предков Новый Иерусалим, поносил непотребными словами Святую Русь. Нечистый дух и в самом деле водил его рукой, нацеливал внимание на самые высокие ценности бытия. «Не хочу страдания, смирения, сораспятия», — говорил художник далеко не чуждому темным увлечениям эпохи, но все же изумленному гримасами есенинской музыки Александру Блоку. «Ревущие» крики поэмы возглашали радостную, счастливую эру, грешный рай без Христа:

*Константиново.
Изда Есениных.
Деревянный сундучок, в котором поэт
хранил любимые книги.
Фотография*

*Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых!*

Едва ли «пророк Есенин Сергей» ведал, что творил. В ту пору человек совершенно трезвой жизни, он все равно бился, как в горячке. И его распаленному воображению представал «незримый коровий бог», который избавит мир от христианского испуга, испуга пути («Разгвоздят мировое кипение / Золотые его рога»), и посланец неданного зверя: мессия верхом на кобыле. «Надо было слышать его в те годы, — рассказывает современник: — с обезумевшим взглядом, с разметающимся золотом волос, широко размахивая руками, в беспамятстве восторга декламировал он свою замечательную «Инонию». Между тем художник всего лишь честнее многих, в силу его способности во всем доходить до корня, прикасаться к потаенной сути вещей, выговаривал почти повальное отступничество.

Его поэму завершали, в общем, не свойственные есенинской стилистике, произнесенные, словно от имени всех вместе взятых россиян, гордые, воинственные слова: «Наша вера — в силе. / Наша правда — в нас!» «Медиум» Есенин чутко уловил то, что носилось в воздухе. Тут звучала монолитная формула исторического времени. Как бы ни называли себя дети русской революции, какие бы задачи перед собой ни ставили, все они бросили вызов Творцу, повели, говоря словами Карла Маркса, одного из давних строителей вселенского пожара, титанический «штурм небес». Решили утвердить новый мировой порядок. Вознести человека на место Божества. Переменить ни много, ни мало источник жизни и света. Последствия не заставили себя долго ждать. Россию накрыли сумерки. Не только ночные (в городах очень скоро погасло электричество), но сумерки духовные: беспросветные ночью и днем. Столь же сумеречным стал после «Инонии» поэтический мир Есенина.

В потемках одному неуютно и страшно. В компании легче. Да и время: голодное, злое, заставляло сбиваться тесней. Художественные группы вырастали десятками. Зимой 1918/19 года Есенин и с ним несколько поэтов далеко не первой величины: Анатолий Мариенгоф, Александр Кусиков, Вадим Шершеневич, Иван Грузинов — образовали в Москве, столице Советской России, творческое объединение имажинистов. Название произвели от французского слова image — образ. Вместе держали на Тверской поэтическое кафе «Стойло Пегаса», книжную лавку вблизи консерватории, вместе выступали, шумели, печатали скандальные манифесты и декларации. Был случай: размалевали собственными цитатами из тех, что похлеще, стены Страстного монастыря. Потом долго потешали воспоминаниями об этом друг друга и знакомых. Поступки и общая поэтическая платформа расходились незначительно.

Продолжение следует